

Студенческий научный электронный журнал

StudArctic Forum

2022. Т. 7, № 1

Главный редактор

И. М. Суворова

Заместитель главного редактора

А. А. Малышко

Ответственный секретарь

П. С. Воронина

Редакционный совет

С. В. Волкова
М. И. Зайцева
Г. Н. Колесников
В. С. Сютёв
В. А. Шлямин

Редакционная коллегия

А. Ю. Борисов
Р. В. Воронов
Т. А. Гаврилов
Е. О. Графова
Л. А. Девятникова
А. А. Ившин
А. А. Кузьменков
Е. Н. Лузгина
Ю. В. Никонова
М. И. Раковская
А. А. Скоропадская
Е. И. Соколова
И. М. Соломещ
А. А. Шлямина

Службы поддержки

Е. В. Голубев
А. А. Малышко

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.
E-mail: saf@petrsu.ru
<http://saf.petrso.ru>

Scientific journal
StudArctic Forum

2022. Vol. 7, No. 1

Editor-in-Chief

Irina M. Suvorova

Deputy Editor-in-Chief

Anton A. Malyshko

Editorial secretary

Polina S. Voronina

Editorial Council

Svetlana V. Volkov
Maria I. Zaitseva
Gennadiy N. Kolesnikov
Vladimir S. Syunev
Valery A. Shlyamin

Editorial Team

Alexey Yu. Borisov
Roman V. Voronov
Timmo A. Gavrilov
Elena O. Grafova
Lyudmila A. Devyatnikova
Alexander A. Ivshin
Alexander A. Kuzmenkov
Elena N. Luzgina
Yulia V. Nikonova
Marina I. Rakovskaya
Anna A. Skoropadskaya
Evgeniya I. Sokolova
Ilya M. Solomeshch
Anastasia A. Shlyamina

Support Services

Evgeniy V. Golubev
Anton A. Malyshko

Publisher

© Petrozavodsk State University, 2012—2022

Address

33, Lenin av., 185910 Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russia
E-mail: saf@petsu.ru
<http://saf.petsu.ru>

УДК 93/94

История и археология

КИРИЕНКО
Иван Вячеславович

магистратура, Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация),
kirienko.ivan97@gmail.com

Образ эпохи 1990-х гг. в эфире программы «Вечер с Владимиром Соловьевым» от 19.07.2018

Научный руководитель:
Антощенко Александр Васильевич
Рецензент: И. М. Соломещ
Статья поступила: 28.03.2022;
Принята к публикации: 30.03.2022;

Аннотация. Обращение к проблеме образа исторической эпохи в медиа представляет собой особую значимость, т. к. телеэфир является новым типом источника, транслирующим часть современных представлений о прошлом. Изучение телеэфиров является актуальной стратегией понимания прошлого, соответствуя общему тренду лингвистического поворота. Цель работы заключалась в выявлении основополагающих языковых характеристик образа 1990-х гг. при помощи дискурс-анализа речей участников эфира. К результатам работы можно отнести выявление противоречивого характера оценок и восприятий 1990-х в программе «Вечер с Владимиром Соловьевым», а также столкновение образовавшихся «государственнического» и «либерального» дискурсов. Анализ образа эпохи представляется продуктивным направлением исторического поиска, который может быть расширен обращением к другим эфирам отечественного телевидения. Работа может быть интересна историкам, политологам, социологам, журналистам.
Ключевые слова: дискурс, образ, импликация, семантика, лингвистический поворот

Для цитирования: Кириенко И. В. Образ эпохи 1990-х гг. в эфире программы «Вечер с Владимиром Соловьевым» от 19.07.2018 // StudArctic Forum. 2022. Т. 7, № 1. С. 8—17.

1990-е гг. были насыщены сложными и противоречивыми событиями, что отчасти вызывает наш интерес к ним как к объекту исследования. С одной стороны, становление новой российской государственности создавало возможности для открытия собственного бизнеса, путешествий по миру и, что самое важное – использования политических прав и свобод. Однако диалектическая природа исторического времени как нельзя лучше проявила себя именно после коллапса советской системы. Существенное падение доходов населения, распространение бандитизма, слом привычных ценностей и моделей социального взаимодействия – вот то немногое, с чем столкнулись жители РФ на самой заре ее возникновения. Не последнюю роль играет и тот факт, что оценка прошедших событий часто дается в тесной связи с собственными переживаниями и персональным опытом. Наша гипотеза состоит в следующем: противоречивые особенности эпохи нашли свое отражение в программе «Вечер с Владимиром Соловьевым», участники которой должны были неизбежно формировать многосложный образ 1990-х гг. и систему различных ракурсов его рассмотрения. Однако, зная историю государственных отечественных СМИ, мы предполагаем, что восприятие образа эпохи как хаоса, упадка, безвременья и того, к чему не следует возвращаться – будет преподноситься в качестве смысловой доминанты программы. Образ 1990-х гг. в эфире программы «Вечер с Владимиром Соловьевым», конструируемый (равно как и подвергаемый деконструкции) представляет собой предмет нашего

исследования.

Распространение дискурс-анализа в исторических исследованиях имеет своей причиной интервенцию лингвистического поворота во все сферы гуманитарного знания, примыкающих к науке о прошлом через тренд междисциплинарности. Современное осмысление прошедшего напрямую связана с диффузией научных практик и заимствования инструментария других наук [Philoso FAQ]. Лингвистический поворот обозначил внимание к проблемам языка в качестве предельного основания всего сущего, вызвав к трансформации восприятие исторического источника, теперь мыслимого в качестве лингвистического конструкта [Копосов: 21]. Именно «языковым трендом» сегодня формируется новая историография, для представителей которой междисциплинарность [Гусева: 106] стала обыденной научной практикой постмодерна [Репина: 121]. Этимологически термин «дискурс» восходит к латинскому «discurrere», что означает «обсуждать» [Соболева: 34]. В функциональной трактовке [Кожемякин: 11], представляющейся нам наиболее обоснованной с точки зрения предмета работы, дискурсом обозначается любой способ функционирования языка в социальном контексте. Именно вербализованное восприятие образа 1990-х гг. как совокупности дисперсных языковых характеристик, представленных в программе «Вечер с Владимиром Соловьевым» – является предметом нашей работы, в то время как сама передача выступает объектом исследовательского интереса.

По Х. Уайту, дискурс включает в себя ряд базовых компонентов: сюжет, способы или стратегии аргументации, идеологические импликации [Касавин: 5-17]. Процесс сочленения этих компонентов между собой специфицирует дискурс, придавая ему определенный окрас. Отметим, что дискурс большинства участников программы и, в особенности, ведущего, рассматривается как государственная точка зрения в силу того, что именно государство является собственником медиахолдинга ВГТРК. Тем самым, мы можем с полным основанием говорить о нарративе, несущем в себе трансляцию власти. Язык подчинения и власти был предметом научного поиска известного французского философа М. Фуко, посвятившей этой и смежным проблемам свою работу «Археология знания» [Фуко: 416 с].

Дискурс включает в себя этическую составляющую, что убедительно доказал немецкий социолог Ю. Хабермас [Хабермас. Вовлечение Другого: очерки политической теории: 417 с]. С некоторой долей упрощения можно сказать о синонимичности «этики» и «морали», т. к. в рамках обеих категорий идет оперирование понятиями «добро-зло», «справедливость – несправедливость». Это так же крайне важный аспект восприятия образа недавнего прошлого, т. к. на этой основе вырастает оценочное восприятие эпохи 1990-х гг. с позиций «добро-зло».

Однако формированию дискурса сопутствуют и другие категории, например, «предмет – реальность» составляют онтологический блок, что в рамках нашей работы будет сопрягаться с нарративом о повседневности через материальность. То, что относится к аргументации, специалисты причисляют к категории когнитивного основания дискурса [Хабермас. Моральное сознание и коммуникативное действие: 91-92]. Озвученные в рамках передачи аргументы, взывающие к объективности, не могут восприниматься нами как истина, главным образом в силу нашего пребывания в рамках постмодернистской парадигмы, обозначившей недоверие в отношении метанарративов [Лиотар: 160]. Важно оговориться, что между упомянутыми выше категориями функционирования языка нет четкого, «хирургического» разделения. Дискурс представляется сложной системой, элементы которого находятся в тесном взаимодействии. Тем не менее, представленные в нашей работы компоненты дискурса, по всей видимости, носят исчерпывающий характер – мы решили не множить сущности без необходимого, следуя аналитическому правилу «бритвы Оккама».

Телешоу «Вечер с Владимиром Соловьевым», выходящее с воскресенья по четверг, предполагает разбивку на две части. Иногда первая часть программы посвящена концептуальным вопросам, как правило, связанным с проблемами современности или

истории (последний вариант часто приурочен к какой-то дате). Вторая часть эфира от 19.07.2018 г. была приурочена к событиям т. н. «августовского путча» 1991 г., который сегодня перестал быть идеей, формирующей демократическое общество [Худорожков: 27]. Ведущий В. Р. Соловьев традиционно выступал в роли модератора дискуссии, начав со вступительного слова, призванного задать обсуждению определенное смысловое направление: «Сегодня обсуждаем эпоху 1990-х» [Вечер с Владимиром Соловьевым]. В рамках представленного ниже анализа мы избирательно рассматривали наиболее характерные, этически и идеологически заряженные компоненты дискурса, т. к. именно они формировали образ последнего десятилетия XX в.

В. Р. Соловьев конструировал образ эпохи при помощи бинарных оппозиций: «...пока одни практически голодали, другие сорвали джек-пот». Весьма характерным является употребление слова «другие» – ведущий использовал прием противопоставления, где по одну сторону осталось подавляющее большинство граждан РФ, а по другую – те, кому удалось увеличить свое благосостояние. Подтверждением наличия этой речевой стратегии являются следующие слова ведущего, в которых он прибегает к цитированию А. Б. Чубайса: «Мы не как Чубайс: «... я и не знал, что люди так страдали от бандитов...». Далее В. Р. Соловьев продолжил: «Власть смотрела из окон мерседесов, и не понимала, чем это людишки недовольны?!» [Вечер с Владимиром Соловьевым]. В. Р. Соловьев прибегнул к идеологической импликации униженного и страдающего от бандитов народа, над которым стоит элита, презирающая рядовых граждан страны. Вступление ведущего включало использование онтологической категории дискурса «предмет-реальность», в которой дорогие машины выступали символом богатства (за счет ограбления страны, о чем будет сказано далее) и социальной дистанции. Затем в рамках эфира обозначилась коммуникативная нестыковка, т. к. с позицией В. Р. Соловьева был не согласен Б. Б. Надеждин, попытавшийся презентовать иную позицию, заявив: «Так он правда не знал!», на что модератор дискуссии эмоционально возразил: «Вы и напустили бандитов в страну!» [Вечер с Владимиром Соловьевым]. Из толкового словаря С. И. Ожегова мы узнаем, что слово «напустили» имеет семантику умышленного, означая «направление куда-то для причинения вреда», как, например, направляют / натравляют собаку на обидчика [Ожегов]. Вряд ли эту фразу ведущего можно воспринимать в качестве аргумента, или образца аналитического осмысления прошлого, однако бесспорна идеологическая обусловленность его дискурса, противопоставляющей власть (достаточно абстрактную, если не считать упоминание вице-премьера Правительства РФ Чубайса) и народ. На специфический характер конструируемого ведущим образа 1990-х гг. в очередной раз обратил внимание Б. Б. Надеждин, выступив с сатирической по содержанию и интонации репликой: «Бедный наш Соловьев, страдал от бандитов!», на что модератор дискуссии ответил в театральной манере: «Боря, ты на стрелы когда-нибудь ездил? Людей терял?». «Были потери с обеих сторон» – ответил политик [Вечер с Владимиром Соловьевым]. Слово «стрелы» мы же можем отнести как к категории онтологического дискурса, так и к категории особого языка 1990-х гг. Также нельзя обойти вниманием нарочито пренебрежительное обращение к гостю программы, в чем мы склонны видеть попытку эмоционального давления на Б. Б. Надеждина с целью эпатировать аудиторию канала.

Аналогичная мысль о конфликте «верхов и низов» содержалась в выступлении А. А. Проханова, для которого рассматриваемый период был характерен «созданием класса олигархов». Мыслитель продемонстрировал достаточно распространенную схему восприятия 1990-х гг. через обращение к экономическим и демографическим показателям (когнитивный аспект дискурса), связанных «с утратой СССР». «В результате 1991 года мы потеряли территории и 10 млн. человек. Мы столкнулись с грандиозным истреблением достижений советской цивилизации» – заявил А. А. Проханов [Вечер с Владимиром Соловьевым]. Применение слов «утрата» и «истребление» в отношении социалистической формации говорит о глубоком сожалении по поводу произошедшего и негативизации образа

эпохи в качестве следствия. Предположительно, мыслитель формировал свой дискурс с позиций народа, для чего употреблял слово «мы», на интуитивном уровне транслирующем семантику единения и противопоставления.

В. Р. Соловьев продолжил свое выступление в схожей с предыдущим оратором тематике, обращаясь при этом к Б. Б. Надеждину как одному из представителей политической элиты эпохи: «Вы ограбили всю страну, поэтому народ до сих пор ненавидит предпринимателей! Вы стервятники, которые растаскивали труп СССР по кусочкам!» Семантика слова «ограбление» имеет ярко выраженное негативное значение и криминальную составляющую. Так же интересно употребление слова «стервятники», с которыми ведущий сопоставил политиков и бизнесменов. Стервятник создает ассоциацию со смертью, являясь падальщиком. В данном случае, речь шла о смерти большого социального организма (допускаются разные вариации языковых трактовок того, что произошло с СССР в 1991 г. Более корректным нам представляется употребление слово «распад», как это происходит по аналогии, например, с ядрами урана, что подчеркивает неизбежный характер произошедшего). Тематика распада СССР в результате истребления 1990-х гг. была представлена выше, однако топика смерти нашла отражение и в реплике С. А. Михеева: «Элита 1990-х убедила страну в том, что нужно застрелиться, если болит голова. Это было доведение страны до самоубийства» [Вечер с Владимиром Соловьевым]. Иными словами, политолог охарактеризовал образ власти, экономические и политические действия которой привели к фатальным последствиям, что позволяет охарактеризовать и образ 1990-х гг. как эпохи катастроф (-ы).

Дискурс, продемонстрированный публицистом С. Р. Кургиняном, был фактически идентичен стилистике А. А. Проханова. «Мы прошли через мясорубку. С 1992 г. началось отрицательная демография, убыль населения». Контекстуальный ряд, включающий упоминание отрицательной демографической динамики, позволяет нам увидеть в слове «мясорубка» отсылку к боевым действиям, войне. Очевидно, что С. Р. Кургинян намеренно использовал эту лексему, т. к. не мог не знать о словосочетаниях «верденская мясорубка», «ржевская мясорубка». «Промышленность упала на 48%. Инфляция в 1000% обнулила все деньги честные. Залоговые аукционы были преступлением, не имеющем мировых аналогов. Людей трясёт от 1990-х, потому что они чувствовали себя униженным». С. Кургинян формировал достаточно насыщенный идеологическими импликациями смысловой ряд: «отрицательная динамика – падение промышленности – инфляция – преступление залоговых аукционов – униженный, трясущийся из-за несправедливости народ», которым представлено ядро дискурса тех гостей передачи, которые являются ярко выраженными представителями левого крыла политической идеологии. «Бывают ситуации, когда стратегических приобретений нет, а издержки колоссальные» [Вечер с Владимиром Соловьевым] – такими словами С. Р. Кургинян завершил свой монолог, уподобив предмет рассмотрения (абсолютному?) злу, чем так же сблизил себя с А. А. Прохановым. Альтернативный языку катастрофического восприятия образа 1990-х гг. дискурс в своей когнитивной категории был представлен Б. Б. Надеждиным, предпринявшим попытку аргументированного восприятия произошедших событий. Спикер охарактеризовал эпоху в качестве основы современной РФ: «...была создана Конституция и институты». Политик объяснил характер социально-экономических пертурбаций 1990-х гг. как неизбежный в силу специфики «советского наследия» [Вечер с Владимиром Соловьевым]. Интерес вызывает исторический параллелизм, к которому прибегнул Б. Надеждин. В его дискурсе трудности 1990-х гг. объяснялись политикой «большого скачка» и «великого перелома», проведенной И. В. Сталиным в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. Аналитическая составляющая данной позиции представлена и в российской историографии вопроса [Бузгалин, Колганов: 27].

Свой пассаж Б. Н. Надеждин закончил словами, в которых мы можем рассмотреть идею о политическом использовании прошлого со стороны государства, конструирующее их

образ через призму противопоставления стабильности настоящего: «Ельцинская Россия длилась 8-9 лет. Почему в этой студии так остро на это реагируют? – есть что вспомнить, в отличие от тех, кто с голода умер. Вот тем, кто был в ГУЛАГе, вспомнить нечего... чем хуже будет складываться социально-экономическая ситуация в стране, тем чаще будут вспоминать 1990-е гг.» Эта реплика так же была прервана ведущим программы, напомнившим Б. Н. Надеждину о «колоссальном уровне преступности и кладбищах, где на могильных плитах «сплошь девяностые» [Вечер с Владимиром Соловьевым]. Ведущий снова формировал свой дискурс в онтологической категории, т. к. для него образ ельцинской России был представлен кладбищами, где лежат убитые в ходе криминальных разборок (судя по всему, именно это имел в виду ведущий).

Б. Н. Надеждин не получил далее возможности аргументированно обосновать свою позицию – В. Р. Соловьев заявил, что «...Ельцин и его команда заложила экономический крах», что логически не стыкуется с претензией гостя программы в адрес мобилизационного, этатистского характера советской экономики. Характерно использование слово «крах», семантически перекликающимся с упомянутыми выше «ограблением» и «стервятниками». «Краш» означает «разорение и полную неудачу», что так же рифмуется с позицией В. Р. Соловьева, высказанной выше [Ожегов]. Хотелось бы обратить внимание и на тот факт, что в ходе передачи первый Президент РФ упоминался большинством спикеров не только без отчества, но и имени, в то время как Б. Б. Надеждин говорил о нем в «развернутом формате», что говорит об определенной семантике уважения в адрес первого лица (что не является удивительным, т. к. спикер достаточно не только общался с главой государства как глава администрации г. Долгопрудный, но еще и писал ему некоторые речи, о чем говорил сам гость программы). Б. Б. Надеждин начал выстраивать свою коммуникативную стратегию в формате оппонирования ведущему, предприняв попытку защиты первого Президента РФ: «Б. Н. Ельцин сумел подавить гражданскую войну! В противном случае, у нас бы были республики, где сторонники Грачева воевали бы против Руцкого» [Вечер с Владимиром Соловьевым]. Так образ 1990-х гг. стал включать в себя тематику предотвращенной гражданской войны через фокусирование Б. Б. Надеждина на тех позитивных аспектах, которые, по его мнению, необходимо учитывать при анализе произошедшего. В. Р. Соловьев не смог противопоставить этому альтернативный когнитивный дискурс, оборвав политика фразой «даже не близко» и передав слово Г. М. Амнуэлю, пожелавшему включиться в языковую игру.

Г. М. Амнуэль, представленный в рамках телепередачи как общественный деятель и режиссер, охарактеризовал время 1990-х г. как «свободу, которой не сумели воспользоваться, что не является виной Ельцина». Несколько туманная формулировка на самом деле имеет осязаемый подтекст. Будучи человеком, открыто выражающим свои либеральные взгляды, Г. М. Амнуэль имплицитно сопоставил эпоху с «нулевыми», очевидно подразумевая политические и экономические возможности, послужившие одной из основ экономического роста РФ в начале 2000-х гг., и позже частично утраченные (как, вероятно, следует из его слов «не смогли воспользоваться».) Топикой дискурса режиссера является понятие «свобода», которое осталось в теле дискурса вплоть до конца программы, представ, однако, в негативистских трактовках. Г. М. Амнуэль заявил, что в СССР «не было семьи, в которой кто-нибудь не сидел» [Вечер с Владимиром Соловьевым]. Во многом перекликаясь с логикой Б. Надеждина в части исторического параллелизма «СССР-девяностые», режиссер попытался вернуть ведущему его тезис о конфликте «верхов и низов», заявив о привилегиях партийной советской номенклатуры в своей попытке объяснить социальное расслоение 1990-х гг. теми процессами, которые вызревали до Перестройки. В этом можно рассмотреть попытку изъятия из образа 1990-х гг. социального расслоения, конструируя его основу через «советскую инерцию».

В. А. Никонов, российский государственный деятель и внук В. М. Молотова, заявил: «Россия в 1990-е чудом прошла по краю пропасти. Это была эпоха, когда всей стране

преподали урок безнравственности на костях. Вспомните ветеранов на паперти!» [Вечер с Владимиром Соловьевым]. Слово «безнравственность» часто перекликается с нарративом о т. н. «темных временах», являясь одним из популярных аргументов кризиса, например, римской государственности, что отмечал Саллюстий, Цицерон, и другие современники упадка республиканского Рима [Держивицкий: 23], а потом и империи. Вспоминается аналогия, которую провел писатель и политический активист Э. В. Лимонов в своей книге с характерным названием «СССР – наш Древний Рим». Так же дискурс политика, помимо личностных (онтологических в рамках дискурса) воспоминаний содержал в себе отрицание свободы слова и предпринимательства как характерной особенности рассматриваемого времени. «Говоря о свободе девяностых, не забывайте о Перестройке». Если Г. М. Амнуэль предпринял попытку обоснования глубокого социального неравенства, из советского времени перешедшего в 1990-е, то В. А. Никонов попытался лишить 1990-е гг. нарратива о свободе.

Историк Ю. С. Пивоваров, так же принимавший участие в программе в качестве гостя, вслед за Б. Б. Надеждиным (насколько это возможно в рамках языковой реальности) формировал аналитическое отношение к образу эпохи, в определенной степени свободной от ярких эмоциональных оценок, характерный для В. Р. Соловьева, А. А. Проханова и С. Р. Кургиняна. Профессор повторил слова А. И. Солженицына о «великой Преображенской революции 1991 г.», а также образовавшейся в ее результате «уникальной властной конфигурации», напомнившей ему апрельскую конституцию 1906 г. Ю. С. Пивоваров обратил внимание на то, что во время наиболее острых фаз политического кризиса 1991 и 1993 гг. «...Ельцин не расправился со своими сторонниками в то время, когда ...страна находилась в предбаннике гражданской войны. Президент даже выпустил своих политических оппонентов, и для меня это было важным сигналом российской истории – мы впервые не пускаем кровь политическим оппонентам, мы делаем шаг навстречу гуманистическим ценностям» [Вечер с Владимиром Соловьевым]. Историк использовал слово «свобода» применительно к развитию отечественной гуманитаристики: «впервые учёные гуманитарии получили полную свободу, сопоставимую со свободой февраля 1917 г.» Исследователь конструировал образ 1990-х гг., внутри которого слово «свобода» было рассмотрено с другого ракурса – академической мобильности. Отдельного внимания заслуживает тот факт, что Ю. С. Пивоваров в своем выступлении высветил понимание 1990-х гг. как кризисного времени, не перешедшего в широкомасштабную гражданскую войну. Однако этот взгляд на эпоху 1990-х как эпоху развития гуманитарных наук явно не разделял А. А. Проханов, попросивший исследователя назвать «новые направления в науке и культуре, появившихся в 1990-е гг.», на что исследователь заявил: «не следует принижать значимость российской гуманитаристики» [Вечер с Владимиром Соловьевым].

Для депутата Государственной Думы VII созыва А. Е. Хинштейна период, наступивший после окончания существования СССР, характеризовался «эпохой испытаний». Так же гость программы задался риторическим вопросом о том, «как новая Россия продержалась и не развалилась?» Кажется, позицию гостя программы в отношении образа 1990-х можно сформулировать как «время голодной свободы на пути к развалу» [Вечер с Владимиром Соловьевым]. Характерный для 1990-х гг. процесс деэтизации общественной сферы [Чемшит: 34], происходивший в 1990-е гг., А. Е. Хинштейн назвал «уходом государства от своих обязанностей через паралич органов власти». Характерно, что депутат является автором книги «Ельцин. Кремль. История болезни» [Хинштейн: 5-8], в которой проводил следующая мысль: нездоровье первого президента было нездоровьем всей страны. Примером тому служат дальнейшие слова депутата, сопряженные с личными воспоминаниями: «Я стоял на остановке в 1992 г. и думал о том, почему до сих пор ходят автобусы?» Мы видим, как онтологическое, сюжетное описание эпохи сочетается с воспоминаниями личностного характера – речь идет о функционировании исторической памяти о 1990-х гг., являющейся частью постсоветской идентичности россиян [Титов: 45].

Говоря иначе, логика общественно-политических отношений после распада СССР, по мнению А. Е. Хинштейна, должна была привести к сепаратистским процессам на территории РФ, и тот факт, что свою вооруженную форму они приняли только на Северном Кавказе, как и то, что движение боевиков в Чечне и Дагестане удалось купировать, по мнению исследователя, «было заслугой Путина и его команды» [Вечер с Владимиром Соловьевым]. Противопоставления «девяностых» и «нулевых» является важнейшим компонентом официоза и частью персонального имиджа В. В. Путина, который «преобразовал хаос в стабильность» [Чаблин: 84-86].

Упомянутый нами политолог С. А. Михеев заявил о том, что проблемы современности вырастают из 1990-х., «в ходе которых страна была отброшена на 300 лет в своем историческом развитии, и потому мы постоянно, из раза в раз вынуждены возвращаться к этим проблемам». Заочно полемизируя с А. Б. Чубайсом, который трактовал приватизацию как «гвоздь в крышку гроба коммунизма» [Чубайс], эксперт заявил, что «никакого коммунизма в СССР не было, и демонтаж коммунизма был демонтажем самой России». Мы можем предположить, что С. А. Михеев перефразировал диссидента А. А. Зиновьева: «Мы целились в коммунизм, а попали в Россию» [Мы целились в коммунизм, а попали в Россию]. Образ 1990-х гг. для политолога частично связан с моделью современного российского общества. «Девяностые годы добро сделали злом, поставив во главу угла вопрос о благосостоянии. Так же 1990-е сделали коррупцию приводным ремнем государственного устройства и формой организации общества» [Вечер с Владимиром Соловьевым]. Таким образом, ельцинская Россия, по мнению С. А. Михеева, не была ограничена десятилетием. Характерные черты ее образа перекочевали в настоящее в форме регресса различных сфер общества и, в частности, морали. Так, этическая составляющая дискурса С. А. Михеева представляла образ 1990-х в негативных тонах, т. к. привела к изменению идеалов и образа жизни в сторону «потребления», что воспринималось им в негативной коннотации. В процессе анализа телепередачи, мы могли видеть два направления дискурса об образе 1990-х гг. Одно направление формировалось А. Е. Хинштейном, А. А. Прохановым, С. А. Михеевым, С. Р. Кургиняном и В. Р. Соловьевым, В. А. Никоновым. Этих спикеров мы причислили к т. н. «государственникам», т. к. все его представители акцентировали свое внимание на трагедийной составляющей сюжета о 1990-х гг., а значит и образ эпохи так же создавался в черных тонах. В числе перечисленных гостей программы можно выделить «красную» подгруппу в лице А. А. Проханова и С. Р. Кургиняна – коммунистов по своим убеждениям, формирующих наиболее негативистскую форму восприятия этой части российской истории. Образ эпохи конструировался вокруг набора преимущественно эмоционально окрашенных языковых комбинаций, продуцирующий процесс негации (логической операции отрицания), при этом противопоставленный позитивным составляющим эпохи, на которых, в свою очередь, фокусировались остальные спикеры. Идеологические противники «государственников» в лице «либерального лагеря», представленного Б. Б. Надеждиным, Ю. С. Пивоваровым, Г. М. Амнуэлем, находясь в меньшинстве, формировали альтернативную оппонентам языковую реальность, прибегая к попытке аналитического рассмотрения процессов первого десятилетия истории РФ. Это вовсе не означает, что государственники были чужды аналитики. Каждый из них пытался отсылать к простым и понятным, осязаемым фактам, связанным с 1990-ми гг., как, например, В. А. Никонов с его тезисом о «свободе Перестройки». Отметим, что из-за постоянных перепалок с ведущим, который во время выступления Б. Б. Надеждина даже заявил о том, что представляет, «как сейчас у экранов матерятся люди» (тем самым, В. Р. Соловьев предпринял очередную апелляцию к народу), им не удалось придать законченный характер когнитивной категории их коллективного дискурса.

В общем и целом, образ 1990-х гг. в программе «Вечер с Владимиром Соловьевым» имеет неоднозначный характер. Позиции обеих сторон несли в себе определенный элемент абсолютизации, апологетики, субъективности, к концу передачи приобретающий характер

фиксированных, предельных значений. Именно это восприятие 1990-х гг., облеченное в форму конкретных лингвистических конструкций, и представляло основной интерес для нас. Мы предполагаем, что споры и разночтения по поводу трактовки тех или иных явлений эпохи будут продолжаться еще очень долгое время. Однако сейчас можно с полной уверенностью утверждать, что эта часть недавнего прошлого российской истории чрезвычайно насыщена идеологически и весьма политизирована. В работах тех историков, которые задаются целью объективного рассмотрения данной эпохи, так или иначе будет преобладать субъективная сторона, связанная с их некогда личным пребыванием в этом временном отрезке, политическими взглядами и, что имеет не последнюю роль – конъюнктурными соображениями. Обращение к подобным телеэфирам в качестве исторического источника представляется достаточно продуктивной стратегией понимания прошлого, адекватной современным методологическим сдвигам в науке о времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вечер с Владимиром Соловьевым выпуск от 19.07.2018 // Россия 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://youtu.be/zz2h-yAvLf> (дата обращения: 05.03.2022)

Гусева Н. С. Постнеклассическая наука и постмодернизм: проблемы теории и методологии исторического познания в отечественной и зарубежной историографиях на рубеже XX–XXI вв. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2013. С. 106.

Касавин И. Т. Дискурс-анализ как междисциплинарный метод гуманитарных наук // Эпистемология и философия науки. 2006. № 4. С. 5—17.

Кожемякин Е. А. Дискурс-анализ как междисциплинарная методология // Научные ведомости. 2008. № 15. С. 5—12.

Копосов Н. Е. Как думают историки. М., Новое литературное обозрение, 2001. 326 с.

Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.: Институт экспериментальной психологии; СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.

Мания междисциплинарности — Теория, методология и философия истории // Philoso FAQ [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.youtube.com/watch?v=hZH_nVEcrfQ (дата обращения: 01.02.2022)

Мы целились в коммунизм, а попали в Россию // AfterShock [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://aftershock.news/?q=node/587312&full> (дата обращения: 20.03.2022)

Решина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Круг. 2011. 560 с.

Соболева М. Е. Философия как «критика языка» в Германии. СПб: Изд-во СПбГУ, 2005. 412 с.

Сталин и распад СССР / А. В. Бузгалин, А. И. Колганов. М.: Едиториал УРСС, 2003. 156 с.

Титов В. В. Политика памяти и формирование национально государственной идентичности в России: роль институтов и массмедиа // Известия Тульского государственного университета. 2009. № 8. С. 84—86.

Толковый словарь Ожегова // GUFO. ME [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://gufo.me/dict/ozhegov/напустить> (дата обращения: 20.03.2022)

Фуко М. Археология знания. СПб.: Гуманитарная академия, 2004. 416 с.

Фуко М. Порядок дискурса: инаугурационная лекция в Коллеж де Франс 2.12.70 // Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 49—96.

Хабермас Ю. Вовлечение Другого: очерки политической теории. СПб. : Наука, 2001. 417 с.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. С. 91—92.

Худорожков И. В. Отражение событий августа 1991 года в учебных пособиях по

истории // Омский научный вестник. 2014. С. 23—27

Чаблин А. Б. Политическая мифология современной России // Власть. 2009. № 8. С. 84—86.

Чемшит А. А. Распад Советского Союза: деэтатизация и декоммунизация // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. 2016. № 4. С. 16—25.

History and archeology

Ivan V. KIRIYENKO

magistracy, Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russian Federation),
kirienko.ivan97@gmail.com

The Image of the era of the 1990s on the air of the program "Evening with Vladimir Solovyov" from 07/19/2018

Scientific adviser:

Alexander V. Antoshchenko

Reviewer: I. Solomeshch

Paper submitted on: 03/28/2022;

Accepted on: 03/30/2022;

Abstract. Addressing the problem of the image of the historical era in the media is of particular relevance, as television broadcasting is a new type of source, broadcasting some of the contemporary representations of the past. The study of TV broadcasts is a relevant strategy for understanding the past, corresponding to the general trend of the linguistic turn. The aim of the work was to identify the underlying linguistic characteristics of the image of the 1990s through a discourse analysis of the speeches of the on-air participants. The results of the work include the identification of the contradictory nature of the evaluations of the 1990s in the programme Evening with Vladimir Solovyov, in which we observed the clash of the formed "statist" and "liberal" discourses. The analysis of the image of the epoch in the domestic media can be extended by referring to other TV programmes. The article will be of interest to historians, political scientists, sociologists and journalists

Keywords: discourse, image, implication, semantics, linguistic turn

For citation: Kirienko I. V. The Image of the era of the 1990s on the air of the program "Evening with Vladimir Solovyov" from 07/19/2018. *StudArctic Forum*. 2022; 7(1): 8—17.

REFERENCES

Evening with Vladimir Solovyov issue dated 07/19/2018 // Russia 1 [Electronic resource]. Access mode: <https://youtu.be/zz2h-yAvLf> (accessed: 03/05/2022)

Guseva N. S. Postnonclassical science and postmodernism: problems of theory and methodology of historical cognition in domestic and foreign historiography at the turn of the XX—XXI centuries. // Bulletin of the Leningrad State University named after A. S. Pushkin. 2013. P. 106.

Kasavin I. T. Discourse analysis as an interdisciplinary method of the humanities // Epistemology and Philosophy of Science. 2006. No. 4. P. 5—17.

Kozhemyakin E. A. Discourse analysis as an interdisciplinary methodology // Scientific bulletin. 2008. No. 15. P. 5—12.

Koposov N. E. How historians think. M., New Literary Review, 2001. 326 p.

Liotar J.-F. The state of postmodernity. M.: Institute of Experimental Psychology; St. Petersburg: Aleteya, 1998. 160 p.

Mania of Interdisciplinarity — Theory, Methodology and Philosophy of History // Philoso

FAQ [Electronic resource]. Access mode: https://www.youtube.com/watch?v=hZH_nVEcrfQ (accessed: 01.02.2022)

We aimed at communism, but got into Russia // AfterShock [Electronic resource]. Access mode: <https://aftershock.news/?q=node/587312&full> (accessed: 03/20/2022)

Repina L. P. Historical science at the turn of the XX–XXI centuries: social theories and historiographical practice. Moscow: Krug. 2011. 560 p.

Soboleva M. E. Philosophy as a "criticism of language" in Germany. St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University, 2005. 412 p.

Stalin and the collapse of the USSR / A.V. Buzgalin, A. I. Kolganov. M.: Editorial URSS, 2003. 156 p.

Titov V. V. The politics of memory and the formation of national and state identity in Russia: the role of institutions and mass media // Proceedings of Tula State University. 2009. No. 8. P. 84—86.

Ozhegov's Explanatory Dictionary // GUFO. ME [Electronic resource]. Access mode: <https://gufo.me/dict/ozhegov/напустить> (accessed: 03/20/2022)

Foucault M. Archeology of knowledge. St. Petersburg: Humanities Academy, 2004. 416 p.

Foucault M. The Order of discourse: Inaugural lecture at the Collège de France 2.12.70 // The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power and Sexuality. M., 1996. P. 49—96.

Habermas Yu . Involvement of the Other: Essays on Political Theory. St. Petersburg: Nauka, 2001. 417 p.

Habermas Yu . Moral consciousness and communicative action. St. Petersburg: Nauka, 2001. P. 91—92.

Khudorozhkov I. V. Reflection of the events of August 1991 in textbooks on history // Omsk Scientific Bulletin. 2014. P. 23—27

Chablin A. B. Political mythology of modern Russia // Power. 2009. No. 8. P. 84—86.

Chemshit A. A. The Collapse of the Soviet Union: de-etatization and decommunization // Scientific Notes of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University. 2016. No. 4. P. 16—25.